

УДК 172: 316.421

“ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ” В ЛИБЕРАЛИЗМЕ И КОММУНИТАРИЗМЕ

Е.А. Коваль

“Человек играющий” – одна из ключевых стратегий развития личности в современном мире. Автор статьи, анализируя признаки homo ludens, приходит к выводу о том, что игровые стратегии личности во многом зависят от того, каких взглядов на взаимодействие человека и общества она придерживается – либеральных или коммунитаристских. В данной статье рассмотрены проблемные аспекты реализации таких игровых стратегий, как честный игрок, шулер и шпильбрехер, в различных социальных контекстах.

Ключевые слова: “человек играющий”; либерализм; коммунитаризм; игра; шулер; безбилетник; шпильбрехер; стратегия; пространство глокального.

ЛИБЕРАЛИЗМДЕ ЖАНА КОММУНИТАРИЗМДЕ “ОЙНОГОН АДАМ” ТУШУНУГУ

“Ойногон адам” – заманбап дүйнөдө инсандын өнүгүүсүнүн маанилүү стратегияларынын бири болуп эсептелет. Макаланын автору homo ludens белгилерин талдоого алуу менен, инсандын оюн стратегиясы көпчүлүк учурда адам менен коомдун өз ара аракеттенишүүсүнө кандай көз карашта – либералдык же коммунитаристтик экендигине көз каранды болот деген тыянакка келди. Бул макалада ар кандай социалдык контексттерде чынчыл оюнчу, шулер жана шпильбрехер сыяктуу оюн стратегияларын жүзөгө ашыруунун көйгөйлүү аспектилери каралды.

Түйүндүү сөздөр: “ойногон адам”; либерализм; коммунитаризм; оюн; шулер; билетсиз; шпильбрехер; стратегия; глокалдык мейкиндик.

“HOMO LUDENS” IN LIBERALISM AND COMMUNITARIANISM

E.A. Koval

Homo ludens is one of the key strategies for development of personality in the modern world. The author of the article analyzes the signs of homo ludens and comes to the conclusion that the game strategy of personality largely depends on whether she adheres to liberal or communitarian views on the interaction of man and society. This article examines the problematic aspects of the implementation of such game strategies as an honest player, a cheat and a spoil-sport, in different social contexts.

Keywords: homo ludens; liberalism; communitarianism; play; cheat; free rider; spoil-sport; strategy; glocal space.

К настоящему времени игра получила множество интерпретаций: игра как культура (Й. Хейзинга), как искусство (Г.В.Ф. Гегель, М. Маклюэн, Х. Ортега-и-Гассет), как творчество (Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев), как средство обучения (К. Гросс), как конфликт (Дж. фон Нейман и О. Моргентштерн), и даже как само бытие (Платон, Ж.-П. Сартр, Х.-Г. Гадамер, Е. Финк). Не случайно Л. Витгенштейн использовал именно игру для иллюстрации своей теории семейных сходств.

Homo ludens становится серьезным (поскольку игра, согласно Й. Хейзинге, включает в себя

серьезность) конкурентом и homo sapiens, и особенно homo faber. Признаки «человека играющего» описаны в научной литературе достаточно подробно. Можно обобщить их следующим образом: творчество, свобода, любовь к искусству, ирония и самоирония, способность к воображению, умение иметь не-алиби в бытии, склонность к риску, изобретательность.

“Человек играющий” тесно связан с тем обществом, в котором он живет и развивается, с конкретными социальными и культурными практиками, игровыми предпочтениями. Э. Финк отмечает, что “игра есть такое измерение существования, которое многочисленными нитями сплетено с другими измерениями” [1, с. 357], а Р. Кайуа выдвигает

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (18-011-00710).

тезис о том, что игровые предпочтения определяют особенности того или иного общества [2]. Таким образом, “человек играющий” теснейшим образом связан с социальным пространством-временем, в котором разворачивается игра.

Сегодня мы живем в уникальном пространстве, которое можно охарактеризовать как глокальное, сочетающее глобальные и локальные тенденции, нормы и ценности. Какой “человек играющий” воспроизводится в этом пространстве? С чем он играет? По каким правилам?

Для того чтобы ответить на эти вопросы потребуется несколько теоретико-методологических упрощений. Игры глобального и локального – интересный объект исследования, но он очень сложен, многоаспектен: сюда могут быть включены экономические, политические, ценностно-нормативные и иные игровые поля. Поскольку глобальное и локальное вступают в диалектическое взаимодействие, оно может быть интерпретировано как игровое состязание. Демонстрация ценностно-нормативных преимуществ глобального и локального – своеобразный потлатч. Однако это – тема для отдельного исследования.

Для анализа особенностей глокального homo ludens представляется небезыңтересным рассмотреть взаимодействие глобального и локального через социально-мировоззренческий срез, предположив, что для глобального пространства в большей степени характерны либеральные нормы и ценности, а для локального – коммунитаристские. Итак, рассмотрим homo ludens, играющего по правилам и против них в либеральном и коммунитаристском социальных контекстах.

“Человек играющий” в либерализме. Ценностно-нормативным основанием либерализма является приоритет прав и свобод человека и гражданина. Игровая стратегия личности в либеральных соционормативных контекстах строится на следующих основных постулатах: личность автономна; сообщества состоят из автономных личностей, которые вправе объединяться для достижения общих целей; личность может свободно покидать одни сообщества и становиться членом других, менять свои ценностные и нормативные установки.

Вмешательство государства в жизнь личности – минимально. Основная его задача – обеспечить механизмы реализации основных прав и свобод человека, материальное благосостояние граждан, возможности для их самореализации. Принцип нейтральности, согласно которому ни одной из концепций блага не может быть отдано преимущество, обеспечивается главенством такого нормативного регулятора, как закон. Ф. Анкерсмит отмечает, что привлечение правовых инструментов

для решения политических проблем – неконструктивная стратегия [3]. Для того чтобы “зреть в корень” новых политических и социокультурных вызовов, по мнению Анкерсмита, необходимо анализировать конфликт интересов, которые законодательству на момент возникновения не подчиняются. Однако приоритет права над иными видами социальных нормативных регуляторов, является существенной характеристикой либерального подхода к общественному устройству. Эта характеристика во многом предопределяет стратегии становления личности “человека играющего” в либеральном социальном контексте. Homo ludens заранее знает правила и обязан согласовывать новые варианты поведения с этими правилами, если, конечно, он осознанно не выбирает одну из ненормативных стратегий поведения.

Отмечу, что Й. Хейзинга называет либерализм наряду с социализмом виновником изгнания игры из общественной жизни в XIX в. Он пишет: “Переоценка экономического фактора в обществе и духовном состоянии личности была в известном смысле естественным результатом рационализма и утилитаризма, которые убили тайну как таковую и провозгласили человека свободным от вины и греха. При этом забыли освободить его от глупости и ограниченности, и он оказался призванным и способным осчастливить мир по меркам присущей ему банальности” [4, с. 266]. Однако концепция либерализма постоянно развивается и совершенствуется.

Правила игры в современном либеральном обществе, на мой взгляд, коррелируют с концепцией справедливости как честности Дж. Ролза. Т.П. Волкова подчеркивает, что его принципы справедливости согласуются с игровой стратегией maximin, когда игрок пытается максимизировать минимальный результат [5, с. 202]. Если “человек играющий” в либеральном обществе хочет следовать правилам, он должен соблюдать принципы справедливости, а государство, так или иначе вовлеченное в игру, обязано следовать принципу нейтральности.

“Человек играющий” в коммунитаризме. Коммунитаристы как оппоненты сторонников либерального мировоззрения представляют собой весьма неоднородное сообщество (выделяют даже такой подход, как либеральный коммунитаризм). Их объединяет принцип, согласно которому личность довольно тесно связана с обществом. Каждый должен чувствовать себя полезным и нужным обществу, получать от него необходимую поддержку. Члены сообщества разделяют общие для них ценности, добровольно включаются в различные совместные практики. Государство активно участвует в нравственном воспитании граждан

и способствует достижению общего блага, которое большинство понимает одинаково.

Стратегии становления личности “человека играющего” в коммунитаристском контексте, таким образом, во многом определяются концепцией общего блага, выработанной в конкретном сообществе, локально обусловленными ценностями. Играть здесь по правилам – значит быть ответственным, уважать традиции, стремиться к воспроизводству общих норм и ценностей, сохраняя тесные связи внутри сообщества.

Если в либеральном подходе главным нормативным регулятором является право, то коммунитаристы отдают предпочтение “голосу морали” (А. Этциони) или “моральной экологии” (Р. Белла), т. е. неформальным способам контроля, осуществляемого самостоятельно членами сообщества. При этом необходимо отметить, что коммунитаристы не являются сторонниками подавления личности обществом. Так, Этциони подчеркивает, что между индивидуальной автономией и социальным порядком должно постоянно поддерживаться равновесие [6, с. 89]. Однако игра не по правилам в коммунитаристском обществе, вероятно, предполагает более строгие санкции, чем в либеральном, поскольку нечестная игра дискредитирует общие ценности и разрушает сильные связи внутри сообщества, что делает его несправедливым с коммунитаристской точки зрения.

Шулеры и шпильбрехеры. Один из важнейших признаков игры – правила, по которым она ведется. Парадоксальным образом игра – свободна, но добровольно принимаемые всеми игроками правила должны жестко соблюдаться, в противном случае игра разрушается либо трансформируется в новую игру. Как пишет Р. Кайуа, “в этом очерченном пространстве и выделенном времени сложные и запутанные законы обычной жизни заменяются точными, произвольно установленными и не подлежащими отмене правилами, которые следует принимать безоговорочно и которыми обеспечивается правильное развитие игры” [2, с. 46].

Несмотря на жесткое требование игры по правилам и в либеральном, и в коммунитаристском социальном контекстах существуют нарушители. При этом можно выделить две ключевых ненормативных стратегии “человека играющего”, которые условно можно обозначить как “стратегия шулера” и “стратегия шпильбрехера”.

Стратегия шулера в либеральном и коммунитаристском подходе. Шулер в игре – неоднозначная фигура. На первый взгляд, игрок, нарушающий правила, – это отрицательный персонаж. Однако, нарушая правила, он не разрушает саму игру. Будучи уличенным в нарушении, шулер несет

ответственность вплоть до изгнания из игрового времени и пространства, но при этом продолжает оставаться игроком. Б.Г. Соколов описывает позицию шулера как преимущественно рефлексивную и властную: «Шулер владыка правил и владыка ситуации... Шулер *par excellence* – разрушитель и созидатель “в одном флаконе”» [7, с. 5–6]. Учитывая данные особенности стратегии шулера, необходимо обратить внимание на то, что в разных соционормативных контекстах одни и те же практики могут получать принципиально разные оценки, либо это могут быть оценки с одинаковой аксиологической модальностью, но с разными последствиями для оцениваемого. Раскрою содержание данного тезиса на примере такого типа шулера, как *безбилетник*.

Проблема безбилетника имеет следующее содержание: в обществе есть люди, которые пользуются общественным благом, но не желают в него вкладываться (например, не платят налоги, но пользуются социальными льготами). Безбилетник – это шулер, нарушающий правила игры, прекрасно это осознающий, но надеющийся на то, что остальные играют честно, а также на то, что его не уличат. Безбилетник понимает, что стратегия кооперации в сообществе более конструктивна, однако его личная выгода от нарушения правил настолько велика, что он выбирает шулерскую позицию и находит ей рациональное обоснование. В этой связи Б.Н. Кашников акцентирует внимание на том, что «...одна лишь рациональность, лишенная поддержки морали, вряд ли справится с задачей наставления “дурных” на путь справедливости» [8, с. 111].

В либеральном соционормативном контексте безбилетнику, на первый взгляд, живется проще. Общество атомизировано, приоритет имеет личность, поэтому даже если безбилетника поймут, максимум, что ему грозит, – это временное изгнание из игры (например, привлечение к уголовной ответственности с назначением наказания в виде лишения свободы). Совсем иная ситуация разворачивается с безбилетником в коммунитаристском обществе. Здесь он рискует гораздо больше, поскольку общим благом являются, в первую очередь, ценности и нормы, разделяемые большинством. Это метаправила игры, за нарушение которых следует серьезное наказание, вплоть до вечного изгнания из сообщества.

Принципиальным моментом является сочетание количества безбилетников и игроков, следующих правилам. Если безбилетники начинают превалировать, игра разрушается, а на ее месте (разумеется, при наличии достаточных ресурсов), возникает новое игровое пространство с новыми

правилами, где со временем неизбежно появляются свои безбилетники.

Стратегия шпильбрехера в либеральном и коммунитаристском подходах. Й. Хейзинга определяет шпильбрехера следующим образом: «Участник игры, который действует вопреки правилам или обходит их» [4, с. 36]. Шпильбрехер не просто нарушает правила, а отказывается их признавать. В этой связи шпильбрехером может быть не только игрок, но и зритель. Хейзинга приводит следующий пример подобной ситуации: «Шах персидский, при посещении Англии отклонивший приглашение присутствовать на скачках, мотивируя это тем, “что он и так знает, что одна лошадь бежит быстрее другой”, был, со своей точки зрения, совершенно прав. Он отказался вступать в чуждую ему игровую сферу, он пожелал остаться в стороне» [4, с. 85].

Если игра – это порядок, с которым согласны и играющие, и зрители, то шпильбрехер – анархист, разрушающий нормативный порядок игры; и если шулер – это блудный сын, который вполне может вернуться, то шпильбрехер – еретик, которому нет места в игре.

В обществе, опирающемся на ценностно-нормативные основания либерализма, шпильбрехер – это консерватор, традиционалист, фундаменталист. Человек, который жертвует благом личности ради общего блага, в анализируемом контексте не просто играет не по правилам, но является угрозой самому существованию игры.

В коммунитаристском подходе шпильбрехер – эгоист, диссидент, оппозиционер. Примером стратегии шпильбрехера является поведение, когда личность или сообщество внутри коммунитаристского общества не просто нарушает традиции, скрывая это, но открыто следует новым практикам, желая, чтобы они сменили традиционные.

Шпильбрехером может быть и целое общество. Например, если локальное общество отказывается вступить в такую игру, как глобализация, не соглашаясь со всеми ее правилами, оно ломает игру, поскольку глобализация по своему определению не знает исключений. Инкапсулированные общества внутри глобального мира – не оазисы в пустыне, а, скорее, язвы на теле. Однако этот тезис будет верен только при том условии, что игра в глобализацию ведется с целью победить, выиграть. Необходимо учитывать, что игра может иметь и другие цели. Например, игра в волчок не требует соперника, а значит и не ведется до победного конца. Ее целью является доставление удовольствия играющему от созерцания крутящегося волчка (в терминах Кайуа

такой вид игровой деятельности называется “головокружение”, *ilinks*) [2]. Глобализация тоже может вестись не с целью выиграть, а, например, с целью выжить, решив глобальные проблемы человечества.

Выводы

Итак, стратегии становления личности “человека играющего” во многом определяются теми социально-мировоззренческими представлениями, которые превалируют в сообществе, внутри которого личность формируется. В либеральном контексте человек играет с правами и свободами, ограничениями и запретами; в коммунитаристском – с общими ценностями и нормами, традициями и пределами интерпретаций их толкования. Р. Кайуа весьма убедительно доказывает, что игра коррелирует с институциональными ценностями, следовательно, разные ценности конституируют разные игры. Где находятся точки соприкосновения между игрой либерального и коммунитаристского? Глобального и локального?

А.Ю. Согомонов полагает, что в условиях глобализации “мы все одинаково правы и одинаково не правы. Одинаково все” [9]. Однако современный глокальный мир может быть вполне комфортным игровым пространством, если сохраняется ценностно-нормативное многообразие общества, а границы остаются открытыми. Шпильбрехеры и безбилетники, изгнанные из одного игрового сообщества, вполне могут вписаться в другую игру. Однако всегда будут оставаться практики, которые неприемлемы ни в одном обществе.

Литература

1. *Финк Е.* Основные феномены человеческого бытия / Е. Финк. М.: КаНОН+ РООИ Реабилитация, 2017. 432 с.
2. *Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
3. *Анкерсмит Ф.* Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу / Ф. Анкерсмит // *Логос*. 2004. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html> (дата обращения: 30.08.2018).
4. *Хейзинга Й.* *Homo ludens*. Человек играющий / Й. Хейзинга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
5. *Волкова Т.П.* Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается / Т.П. Волкова // *Вестник Мурманского государственного технического университета*. 2004. № 2. Т. 7.
6. *Etzioni A.* The Good Society / A. Etzioni // *Seattle Journal of Social Justice*. 2002. Vol. 1, Issue 1.

7. Ларионов И.Ю. Мыслить (со)временность. Блок “Z”: зона сознания / И.Ю. Ларионов, Б.Г. Соколов. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 296 с.
8. Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции / Б.Н. Кашников // Этическая мысль. 2001. № 2.
9. Согомонов А.Ю. Глокальность. Очерк социологии пространственного воображения / А.Ю. Согомонов. URL: <http://www.globalculture.ru/glokalizacija/aleksandr-sogomonov-glokalnost-2.html> (дата обращения: 03.09.2018).